

А.А. Кириллов

**Догматическое учение о
таинстве Евхаристии в
творениях святого Иоанна
Златоуста**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
А11

А11 **А.А. Кириллов**
Догматическое учение о таинстве Евхаристии в творениях святого Иоанна
Златоуста / А.А. Кириллов – М.: Книга по Требованию, 2019. – 56 с.

ISBN 978-5-518-06637-3

Христианское чтение, 1896, I, с. 26, 52, 545, 57.

ISBN 978-5-518-06637-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

харистіи. Христосъ таинствами напоминаетъ ученикамъ о закланіи п среди трапезы бесѣдуетъ о крестѣ; ученики смутились. И когда они ѣли, (Иисусъ), взявши хлѣбъ, преломилъ. „Для чего“, спрашиваетъ затѣмъ святитель, „совершаетъ Онъ это таинство (τὸ μυστήριον τοῦτο) во время Пасхи?“ И отвѣчаетъ: „чтобы ты отовсюду научился, что и ветхаго завѣта Онъ законоположникъ.

И въ какое время былъ обрѣзъ, въ такое же полагаетъ и истину... И благодарить, научая насъ, какъ совершать это таинство, и показывая, что добровольно идетъ на страданіе. Если образъ былъ освобожденіемъ отъ рабства, то тѣмъ болѣе истина освободить вселенную. Потому и не прежде установилъ таинство, но тогда, какъ законное должно было миновать, главизну ветхозавѣтныхъ праздниковъ разрушаетъ и, перенося ихъ (учениковъ) на иную страшнѣйшую трапезу, говоритъ: *примите, ядите: сіе есть тѣло Мое, за многихъ ломимое. И отчего не смутились они, услышавъ это?* Оттого, что много великаго Онъ говорилъ уже о семъ. Выставляетъ и причину страданія—отгъятіе грѣховъ. Называетъ и кровь новаго завѣта, т. е. общанія, возвѣщенія новаго закона. Ибо это и въ древности общалъ, и это составляетъ новый завѣтъ. *И какъ древній содержалъ кровь овецъ и тельцовъ, такъ этотъ кровь Владычню.* И опять говорить о причинѣ смерти: „(кровь), изливаемая за многихъ въ оставленіе грѣховъ“ и присовокупляетъ: сіе творите въ Мое воспоминаніе. Кровь ветхозавѣтнаго агнца была излита за спасеніе первородныхъ, эта же въ оставленіе грѣховъ всей вселенной. Сія есть кровь Моя, говоритъ, изливаемая за многихъ въ оставленіе грѣховъ. *Говорилъ это, вмѣстѣ показывая, что таинство (τὸ μυστήριον) есть страданіе и крестъ, и въ то же время утѣшавъ этимъ учениковъ.* Желаніемъ, говоритъ, возжелалъ ѣсть пасху эту, т. е. предать вамъ новыя дѣла и дать пасху, которою Я намъревался сдѣлать васъ духовными. И самъ Онъ пилъ отъ нея. Ибо, дабы услышавъ это, они не сказали: итакъ,

то даже πνευματικῆ и πνευματικῆ καὶ ἑρᾶ, наконецъ и μυστικῆ. Можно предположить, что св. Златоустъ какъ бы сравниваетъ и противопоставляетъ величайшее таинство христіанской вѣры языческимъ мистеріямъ, которыя, безъ сомнѣнія, ему были извѣстны, обозначая ихъ однимъ и тѣмъ же терминомъ.

что? кровь мы пьемъ и плоть ѣдимъ? и не смутились бы тогда (потому что когда Онъ завелъ рѣчь объ этомъ, тогда многіе сообразились относительно сихъ словъ),—итакъ, чтобы они и тогда не возмутились, Онъ первый сдѣлалъ это, побуждая ихъ necessarily къ общенію таинствъ. Посему Онъ пилъ Свою собственную кровь. Что же? Не должно ли, скажешь ты, совершать и древнее и новое таинство? Не должно. Ибо Христосъ для того сказалъ: „сіе творите“, чтобы отклонить отъ древняго. *Если нов:е таинство даруетъ оставленіе грѣховъ, а оно дѣйствительно и даруетъ*,—то древнее будетъ излишне. Посему какъ у іудеевъ, такъ и здѣсь, съ таинствомъ мы соединяемъ воспоминаніе благодаренія, и симъ заграждаемъ уста еретиковъ. Когда они говорятъ: откуда извѣстно, что Христосъ принесъ Себя въ жертву?—то мы кромѣ другихъ свидѣтельствъ заграждаемъ ихъ самими таинствами. Ибо если Иисусъ не умеръ, то что означаютъ исполнившіеся образы (σύμβολα τὰ τελοῦμενα)?“¹⁾ Здѣсь прежде всего достойно примѣчанія то, что св. Златоустъ противопоставляетъ ветхозавѣтную пасху новозавѣтному таинству и первую считаетъ образомъ, а послѣднее признаетъ истинною²⁾, называетъ ее пасхою, которая πνευματικῶς ποιεῖ. Но подобное выраженіе еще ничего не говоритъ о взглядѣ св. отца на таинство свхаристіи; оно можетъ быть понято и надлежащимъ образомъ объяснено только при свѣтѣ другихъ болѣе ясныхъ мѣстъ. Несомнѣнно, что св. Златоустъ въ данномъ мѣстѣ ставитъ въ тѣсную связь ветхозавѣтную кровь жертвенныхъ агнцевъ, Владычную кровь новаго завѣта, и установленное Господомъ въ воспоминаніе Его страданій и крестной смерти таинство. Въ ветхомъ завѣтѣ, по его словамъ, приносилась въ жертву истинная кровь агнца, она изливалась за спасеніе первородныхъ; въ новомъ завѣтѣ Иисусъ Христосъ также истинно излилъ кровь Свою въ жертву Богу и излилъ ее въ оставленіе грѣховъ всей вселенной; потому, какъ ветхій содержалъ кровь тельцовъ и агнцевъ, такъ *новый содержитъ кровь Господа Христа*. Эту-то кровь Онъ и преподаетъ теперь вамъ.

¹⁾ х. тол. Ibid., col. 738—739.

²⁾ Ср. то же самое у св. Григорія Богослова.

вѣрующимъ въ таинствѣ, ею Онъ причастилъ учениковъ и, чтобы они не смутились, Онъ самъ первый пилъ Свою собственную кровь. Мысль о реальномъ присутствіи тѣла и крови Христа въ евхаристіи здѣсь утверждается съ достаточною ясностію. Слова Спасителя, относящіяся къ хлѣбу и вину евхаристіи, которые уже не хлѣбъ и вино, а тѣло и кровь Его, принимаются въ строго-буквальномъ смыслѣ. Ученики Христовы, говоритъ св. вселенскій учитель, посмотрѣли на дѣло установленія таинства такъ, какъ даетъ понять ясный и прямой смыслъ словъ Иисуса Христа, т. е. они поняли ихъ въ буквальномъ смыслѣ, въ смыслѣ реальнаго вкушенія тѣла и реальнаго питья крови Христа. Конечно, при этомъ они легко могли и смутиться. Въ оправданіе возможности такого явленія св. Златоустъ указываетъ на бывшіе факты, приводитъ на память бесѣду Спасителя о хлѣбѣ животномъ, изложенную евангелистомъ Іоанномъ (въ VI гл.), и говоритъ, что, понявъ ее чувственно, многіе изъ послѣдователей Христа соблазнились и отошли прочь. Это смущеніе ихъ тѣмъ болѣе было бы понятно въ то время, какъ пришлось бы имъ уже вкушать самое тѣло и пить самую кровь. Но снисходительно-милосердый Владыка, въ предупрежденіе сего, по челоуѣколюбію Своему, Самъ показываетъ примѣръ, первый пьетъ Свою собственную кровь и тѣмъ разрѣшаетъ смущеніе учениковъ, — послѣ чего они уже безболзненно вкушаютъ предложенное. Слѣдовательно, *по мысли св. отца, при первомъ актѣ совершенія евхаристіи участвующіе въ ней на самомъ дѣлѣ причастились тѣла и крови Иисуса Христа.* Но Тайноучредитель разнавсегда сказалъ: „сіе есть тѣло Мое, сія есть кровь Моя“ и заповѣдалъ Своимъ ученикамъ творить то же самое въ Его воспоминаніе; при томъ новый завѣтъ дѣйствительно содержитъ кровь Владычную, излитую за насъ на Голгоѣѣ. Значить, что было въ моментъ установленія таинства, то же, нужно предположить, бываетъ и во все послѣдующее время его совершенія, тѣмъ болѣе, что тогда, при первомъ вкушеніи, тѣло Христа еще не было пригвождено ко кресту и кровь Его не была излита, а между тѣмъ Онъ самъ пилъ Свою кровь и учениковъ Своихъ приоб-

циль ею; не слѣдуетъ ли отсюда, не естественно ли на этомъ основаніи заключить, что и всегда, согласно слову Спасителя, въ евхаристіи реально присутствуетъ истинная кровь Его, послѣ того какъ уже совершилась Голгооская жертва? Понятно, что и нынѣ вѣрующіе принимаютъ тѣло и кровь Господа Іисуса. Поэтому-то именно св. евхаристія служитъ, по слову св. отца, какъ непреложнымъ доказательствомъ того, что воплотившійся Сынъ Божій дѣйствительно принесъ Себя въ жертву, ибо самое „таинство“, по нему, „есть страданіе и крестъ“, такъ вмѣстѣ и воспоминаніемъ о Его чрезвычайномъ благодѣяніи, искупительной Его смерти за насъ. Слѣдовательно, по ученію св. Златоуста, судя по вышеприведеннымъ его словамъ, въ таинствѣ св. евхаристіи несомнѣнно истинно, реально присутствуетъ пречистое тѣло Господа Іисуса Христа и Его честная кровь ¹⁾). Далѣе св. отецъ вторично упоминаетъ, что Господь и самими таинствами непрестанно напоминаетъ о Своёмъ страданіи (*διηγεῖσθαι τοῦ πάθους καὶ διὰ τῶν μυστηρίων*), дабы никто не былъ обольщенъ лжеученіями, подобными Маркіонову, Валентинову и Валесову, которыми отвергалось строительство спасенія, и такимъ образомъ *сею священною трапезою Онъ и спасаетъ и вмѣстѣ наставляетъ*, ибо это есть начало благъ (*ὁμοῦ μὲν σώζων, ὁμοῦ δὲ παιδεύων διὰ τῆς ἱεραῆς τραπέζης. Καὶ γὰρ τὸ κεφάλαιον τῶν ἀγαθῶν τοῦτο*); а потомъ переходитъ къ объясненію дальнѣйшихъ словъ Христа—по Евангелію Матоея: „отнынѣ не буду пить отъ плода сего винограднаго до того дня, когда буду пить съ вами новое вино въ царствѣ Отца Моего (ст. 29), — при чемъ высказываетъ,

¹⁾ Доказательствомъ этого могутъ служить и тѣ слова св. отца, въ которыхъ «страшнѣйшая трапеза» приравнивается и принимается синонимомъ къ «Владычному тѣлу», что мы видимъ въ самомъ началѣ бесѣды. Кромѣ того въ разсматриваемомъ мѣстѣ можно видѣть намѣкъ на допущеніе предложенія, претворенія внѣшнихъ элементовъ таинства. Здѣсь говорится, что Христосъ Самъ за вечерю первый, дабы разсвѣять смущеніе учениковъ, пилъ Свою собственную кровь; между тѣмъ она фактически еще не была иалита за грѣхи міра на крестѣ, слѣдовательно она была образована изъ вина всемогущею силою Тайноучредителя и была принята Имъ въ Свое единеніе, послѣ чего и стало возможнымъ самое причащеніе. Тоже, очевидно, приложимо и къ плоти—хлѣбу. И что дѣйствительно св. Златоустъ допускалъ претвореніе даровъ, это открывается изъ послѣдующаго, о чемъ см. ниже.

что какъ это, такъ и то, что Господь Христосъ по Своемъ воскресеніи пилъ не воду, а вино, сказано, съ тою цѣлію, дабы показать, что въ „таинствахъ“ необходимо употреблять вино, а не воду, подобно тому, какъ и при установленіи его было употреблено вино. Пользуясь замѣчаніемъ евангелиста: „и воспѣвъ, пошли въ гору Елеонскую“, св. отецъ дѣлаетъ укоризну какъ тѣмъ, которые отходятъ отъ обыкновенной трапезы безъ молитвы и возстаютъ отъ нея въ пьянствѣ; такъ и тѣмъ, кои не ожидаютъ окончанія молитвы при совершеніи таинствъ, а эта молитва есть образъ той молитвы. Христосъ, говоритъ онъ, возблагодарилъ прежде, нежели предложилъ трапезу ученикамъ, дабы и мы благодарили. Благодарилъ и воспѣлъ и послѣ, дабы и мы дѣлали то же самое¹⁾.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ для насъ и приложеніе къ бесѣдѣ, высказанное св. отцемъ послѣ объясненія предсказанія Спасителя о паденіи апостола Петра, въ какомъ приложеніи св. Златоустъ говоритъ слѣдующее: *„Будемъ во всемъ повиноваться Богу и ни въ чемъ не будемъ противорѣчить, хотя бы слова Его и казались противными нашимъ мыслямъ и созерцаніямъ, но да управляетъ слово Его нашими мыслями и созерцаніемъ. Такимъ же образомъ будемъ поступать и по отношенію къ таинствамъ, не на внѣшность только взирая, но содержа въ умъ своею слова Христа. Ибо слово Его непреложно, а наше чувство легко обольщается. Первое никогда не погрѣшаетъ, а послѣднее часто обманывается. Посему, когда Христосъ говоритъ: „сіе есть тѣло Мое“, то убѣдимся, будемъ вѣрить и смотрѣть на сіе духовными очами. Христосъ не предалъ намъ ничего чувственного, но все духовное—только въ чувственныхъ вещахъ. Такъ и въ крещеніи чрезъ чувственную вещь—воду сообщается даръ, а духовное дѣйствіе состоитъ въ рожденіи и возрожденіи, или обновленіи. Если бы ты былъ безтѣлесенъ, то Христосъ сообщилъ бы тебѣ сіи дары безтѣлесно; поелику же душа твоя соединена съ тѣломъ, то духовное сообщаетъ Онъ тебѣ чрезъ чувственное. Сколь многіе нынѣ говорятъ: желалъ бы я видѣть лице Христа, образъ, одежду, са-*

¹⁾ Ibidem, n. 2, col. 739—740.

поги! *Вотъ ты видишь Его, прикасаешься къ Нему, окушаешь Его.* Ты желаешь видѣть одежды Его; а Онъ даетъ тебѣ не только видѣть Себя, но и касаться, и вкушать и принимать внутрь. Итакъ, никто не долженъ приступать съ небреженіемъ, никто съ малодушіемъ, но всѣ съ пламенною любовію, всѣ съ горячимъ усердіемъ и бодростію. Ибо если іудеи ѣли агнца съ готовностію, стоя и имѣи сапоги на ногахъ и жезлы въ рукахъ, то гораздо болѣе тебѣ должно бодрствовать, потому что они готовились идти въ Палестину, посему и имѣли видъ путешественниковъ, а ты готовишься идти на небо¹⁾. На нашъ взглядъ, это мѣсто служить новымъ и весьма сильнымъ подтвержденіемъ вѣры св. Златоуста въ дѣйствительное присутствіе тѣла и крови Христа въ евхаристіи. Здѣсь св. архіепископъ константинопольскій, подобно Кириллу Іерусалимскому, Ефрему Сирину, убѣждаетъ своихъ слушателей въ отношеніи къ евхаристіи полагаться не на свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ, которыя нерѣдко обманываются, но вѣрить въ непреложныя слова Господа, смотрѣть на дѣло духовными очами (*νοητοῦς ὀφθαλμοῦς*). И хотя чувственный глазъ, по его слову, видитъ въ таинствѣ хлѣбъ и вино, тѣмъ не менѣе духъ нашъ, споспѣшествуемый вѣрою, долженъ убѣждаться въ невидимомъ—непостижимомъ, въ томъ, что тутъ тѣло и кровь Господа Христа. Стремясь доказать эту мысль и сдѣлать ее удобопріемлемою, онъ разъясняетъ, что такая двойственность зависитъ отъ того, что самъ человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей—духовной и чувственной—души и тѣла, вслѣдствіе чего Христосъ сообщаетъ ему невидимые духовно-благодатныя дары при посредствѣ чувственныхъ вещей. И въ св. евхаристіи есть видимая сторона—матеріальныя вещества; но эту внѣшнюю сторону нужно строго отличать отъ заключающейся подъ нею дѣйствительности, недоступной для чувственнаго взора. Доказательствомъ того, что слова св. отца нельзя понимать въ спиритуалистическомъ смыслѣ, намъ кажется, съ достаточною ясностію служить уже то обстоятельство, что, по его слову, всякій вѣрующій, который желаетъ собственными глазами видѣть Христа, въ ехва-

¹⁾ Ibidem, n. 4. col. 743.

ристiи получаетъ несравненно большее, — здѣсь онъ можетъ не только видѣть Его (*ὄψ ιδεῖν μόνον*), но и прикасаться или осязать, (*ἀλλὰ καὶ ἄψασθαι*), и вкушать (*καὶ φαγεῖν*), и получать внутрь (*καὶ λαβεῖν ἔνδον*). Если послѣднее выраженіе — *λαβεῖν ἔνδον* = принять внутрь, сверхъ физическаго, чувственнаго прiятiя чего-либо внутрь, можетъ еще быть объяснено въ смыслѣ духовнаго, внутренняго воспрiятiя, то возможно ли другiя два и по дважды употребленныя выраженiя — *αὐτοῦ ἄπτη αὐτόν ἐσθίεις*. (Его касаешься, Его ѣшь), и *ἄψασθαι καὶ φαγεῖν* (т. е. *διδῶσιν*) — принимать въ значенiи лишь духовнаго воспрiятiя и полученiя тѣла Христова, только въ смыслѣ сообщенiя его нашей душѣ? ¹⁾ Между тѣмъ есть и такіе изслѣдователи, которые находятъ въ словахъ св. отца подобный взглядъ на общеніе наше со Христомъ въ таинствѣ. Обыкновенно они ²⁾ обращаютъ вниманіе на очевидную противоположность встрѣчающихся здѣсь терминовъ: *αἰσθητὰ - νοητὰ* и представляютъ дѣло такъ: по св. Златоусту, будто-бы все, установленное Христомъ, есть духовное, мысленное = *νοητόν*, а не чувственное = *αἰσθητόν*, и мы должны смотрѣть на него духовными очами — *νοητοῖς αὐτὸ βλέπωμεν ὀφθαλμοῖς*; такъ и въ евхаристiи тѣло Христа будто бы не можетъ быть для насъ видимо, осязаемо, вкушаемо и вообще не можетъ быть объектомъ чувственнаго воспрiятiя; оно объектъ нашей мысли, предметъ духовнаго только воспрiятiя, — оно дѣйствительно входитъ въ единеніе съ нами, но только духовное, а не чувственно-духовное. Въ подтвержденіе такого толкованiя взгляда св. отца пользуются и приводимымъ у него примѣромъ крещенiя, въ которомъ вода, говорятъ, есть нѣчто чувственное — *αἰσθητόν*, реально же объективное, касающееся не нашего тѣла, а нашей души, „*νοητόν*“ —

¹⁾ Глаголь *ἄπτη* въ языкѣ классическомъ означаетъ завязываю, привязываю, прикрѣпляю; хватаю, поражаю обыкновенно; съ родительнымъ падежемъ — касаюсь, трогаю, беру кого за... (у Гом.) — ср. русское «хапаю»; слѣдовательно пѣть означаетъ прикосновеніе — въ матеріальномъ смыслѣ, осязаніе. Смолр. Лексик. Коссовича, ч. I, стр. 215—216. Ср. Лексик. Бензелера и Паппе. Тѣмъ болѣе тоже должно сказать относительно глагола — *ἐσθίω* и аорист. ср. *φαγεῖν*.

²⁾ Мы имѣемъ въ виду преимущественно Еббарда, — («Das Dogma vom heiligen Abendmahl und seine Geschichte», В. I, — Franck. a M. 1845, S. 284—287).

есть возрожденіе и обновленіе (*γέννησις καὶ ἀνακαινισις*), одно только связано съ другимъ, одно сопребываетъ съ другимъ. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, взгляды св. Златоуста на евхаристію такой: въ ней мы вкушаемъ хлѣбъ и вино,—это *αἰσθητόν*, но сущность ея, *νοητόν*—есть одновременное съ тѣмъ актомъ принятіе внутрь себя Христа, внутреннее, духовное единеніе съ Нимъ, такъ что „если бы св. Златоусту былъ предложенъ вопросъ: хлѣбъ и вино суть ли только символы, или чувственные образы установившагося вообще между нами и Христомъ отношенія, или только простые знаки воспоминанія для нашего разума, то онъ отвѣтилъ бы отрицаніемъ и объявилъ бы хлѣбъ и вино залогомъ одновременнаго, соединеннаго съ тѣлеснымъ ихъ вкушеніемъ, внутренняго-реальнаго общенія Христа съ нашею душою; точно также, если бы его спросили: находятся ли въ хлѣбѣ и винѣ тѣло и кровь Христа и вмѣстѣ съ ними входятъ ли въ насъ чрезъ наши уста, то онъ опять бы отвѣтилъ отрицаніемъ и сказалъ бы, что съ тѣлеснымъ-вкушеніемъ залога, по обѣтованію Христа, связывается одновременное внутреннее общеніе Иисуса съ душою“.—Изъ этого объясненія можно принять за несомнѣнное то, что, по св. Златоусту, установленное Иисусомъ Христомъ таинство есть духовное, мысленное, *νοητά*, хотя и въ чувственныхъ формахъ, въ тѣсной связи съ *αἰσθητά*, и что на таинство нужно смотрѣть *νοητοῦς ὀφθαλμοῖς*; но отсюда, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ, что духовное созерцаніе, смотрѣніе *νοητοῦς ὀφθαλμοῖς* въ отношеніи къ евхаристіи состоитъ именно въ томъ, чтобы въ ней только видѣть внутреннее единеніе со Христомъ нашей души, происходящее одновременно со вкушеніемъ виѣшнихъ элементовъ. Самъ св. отецъ учитъ насъ въ данномъ случаѣ полагаться исключительно на слова Спасителя, вѣрить въ ихъ непреложность и, смотря на хлѣбъ и вино евхаристіи, видѣть *въ нихъ*, согласно обѣтованію Господа Христа, истинное Его тѣло и истинную кровь Его. Для утвержденія этой мысли онъ хочетъ отвлечь вниманіе вѣрующихъ отъ видимаго и стремится обратить ихъ взоръ на невидимое, разъясняя необходимость и той и другой стороны въ таинствѣ словами, что Христосъ предалъ намъ, чувственно-духов-

нымъ личностямъ, духовные дары, только въ чувственныхъ вещахъ (*ἐν αἰσθητοῖς πράγμασι*), или чрезъ, при посредствѣ (*διὰ*) видимыхъ вещей. И примѣръ крещенія служить только къ поясненію этой необходимости двухъ сторонъ въ таинствѣ. Въ немъ—въ чувственной вещи—водѣ дается духовное благовозрожденіе и обновленіе. Такъ и въ евхаристіи не съ видимымъ актомъ—вкушеніемъ хлѣба и вина только соединяется благодатное, внутреннее общеніе со Христомъ, но въ самомъ вкушеніи внѣшнихъ элементовъ, представляющихся для чувственного взора хлѣбомъ и виномъ, должно содержаться наше дѣйствительное общеніе съ Нимъ, чрезъ нихъ должно случиться и послѣднее. Повторяемъ: св. отецъ хочетъ здѣсь лишь разъяснить, что даръ благодати, какъ и все сверхчувственное, можетъ быть сообщено чрезъ внѣшнія условія, въ матеріальныхъ вещахъ: *ἐπειδὴ σῶματι συμπλέκται ἡ ψυχῇ, ἐν αἰσθητοῖς τὰ νοητὰ σοι παραδίδοται* (Христός), т. е. „такъ какъ душа твоя соединена съ тѣломъ, то и духовное Онъ (Христосъ) сообщаетъ тебѣ въ чувственномъ“; слѣдовательно, и тѣснѣйшее общеніе съ Самимъ Собою, это *νοητὰ* евхаристіи Онъ сообщаетъ въ воспринимаемыхъ внѣшними чувствами элементахъ—хлѣбѣ и винѣ; но мы, по его выраженію, „не на внѣшность должны взирать, но содержать въ умѣ слова Христа“, и вѣрить, что, вкушая хлѣбъ и вино евхаристіи, на самомъ дѣлѣ реально принимаемъ въ себя Христа, Его пречистое тѣло и Его честную кровь. Съ такимъ пониманіемъ совершенно мирятся и вполне становятся понятными дальнѣйшія, какъ-бы для усиленія дважды повторенныя, слова св. отца, что вѣрующій въ св. евхаристіи не только видитъ Господа Иисуса Христа, но и прикасается къ Нему, вкушаетъ Его, принимаетъ внутрь. Съ этой только точки зрѣнія и все дальнѣйшее разсужденіе св. отца представляется логически связнымъ, послѣдовательнымъ и совершенно понятнымъ. Вотъ что мы находимъ тамъ: „Итакъ, должно всегда бодрствовать; не малое предстоитъ наказаніе тѣмъ, которые недостойно приобщаются. Подумай, сколь много ты негодуешь на предателя и на тѣхъ, которые распяли Христа. Итакъ берегись, чтобы и тебѣ не сдѣлаться виновнымъ противъ тѣла и крови Христа (*μὴ καὶ αὐτός*

ἔνοχος γένῃ τοῦ σώματος καὶ αἵματος τοῦ Χριστοῦ). Они умертвили всесвятое тѣло, а ты принимаешь его нечистою душею послѣ-толикихъ благодѣяній“. — По мнѣнію св. Златоуста, недостойно причащающійся заслуживаетъ одинаковое наказаніе съ распятыми Господа Христа, потому что и тѣ и другіе одинаково виновны противъ тѣла и крови Его; слѣдовательно, какъ тамъ было распятое истинное тѣло Его, такъ и здѣсь принимается истинное же тѣло. Но въ послѣднемъ случаѣ, говоритъ св. отецъ, оно принимается душею (ψυχῇ),—стало быть, принимается въ смыслѣ спиритуалистическомъ? Какъ бы въ предупрежденіе, чтобы кто-нибудь не подумалъ такъ, онъ и продолжаетъ: „Ибо не довольно было для Него того, что Онъ содѣлался человѣкомъ, былъ заушаемъ и умерщвленъ; но Онъ еще *сообщаетъ Себя намъ* (καὶ αναφέρει ἑαυτὸν ἡμῖν), *и не вѣрою только, но и самымъ дѣломъ содѣлываетъ насъ Своимъ тѣломъ* (καὶ οὐ τῇ πίστει μόνον, ἀλλὰ καὶ αὐτῷ τῷ πράγματι σῶμα ἡμᾶς αὐτοῦ κατασκευάζει)“. — Нельзя, конечно, понять эти слова въ томъ смыслѣ, что Христосъ будто бы духовно лишь соединяется съ нами, что мы не только субъективно вѣримъ, думаемъ быть, но и дѣйствительно становимся, вслѣдствіе этого внутренняго единенія съ нами, Его тѣломъ, дѣйствительно принимаемъ Его въ себя, въ свою душу. Св. отецъ хочетъ здѣсь сказать *не о способѣ нашего общенія со Христомъ*, не о томъ, что мы дѣйствительно, а не мечтательно, вступаемъ въ центральное, внутреннее общеніе съ Нимъ, *но о способѣ общенія Господа Христа съ нами*, о томъ, что Онъ самымъ дѣломъ—αὐτῷ τῷ πράγματι, а не духовно только содѣлываетъ насъ Своимъ тѣломъ; значитъ, единеніе Его съ нами не духовное только, внутреннее, центральное, но дѣйствительное, реальное, есть общеніе Его со всѣмъ нашимъ и духовнымъ и физическимъ организмомъ. И если дѣйствительно Онъ удѣляетъ Себя намъ, если мы дѣйствительно принимаемъ Его плоть и кровь, то сіи послѣднія, какъ принадлежація Всемогущему, натурально производятъ то, что мы становимся причастниками, общниками Его естества. Самъ св. Златоустъ подтверждаетъ нашъ взглядъ дальнѣйшими словами. Сказавъ, что Христосъ „не только вѣрою, но и самымъ дѣломъ